

Светлана Вергеенко
(Гомель, Беларусь)

КОНЦЕПЦИЯ МОТИВА КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩЕЙ ЕДИНИЦЫ В ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается вопрос теоретического осмысления понятия «мотив» как сюжетобразующей единицы в фольклористике. На основе теоретических концепций российских ученых автор предлагает определения мотива в заговорном жанре.

Ключевые слова: мотив, мотивема, алломотив, субмотив, микромотив, структура, субъект, действие субъекта, объект.

The article discusses theoretical understanding of the concept of «motive» as a plot-units in the study of folklore. Based on the theoretical concepts proposed by the author of Russian scientists determine a motive in zagovornom genre.

Keywords: motif, motipheme, allomotif, submotif, micromotif, structure, character, character activities, object.

В современной фольклористической науке остается нерешенным вопрос определения терминологического понятия «мотив». К этой проблеме в разное время обращались исследователи жанров устного народного творчества. По мнению Б. Путилова, еще «остается дискуссионным определение (особенно в практике конкретных исследований) границ и объема содержания термина» [1]. Ученый обращает внимание на неоднозначность понимания мотива А. Веселовским, что привело к появлению «нескольких уровней сюжетики, которые неправомерно обозначать одним термином... За мотивом остаются два взаимосвязанных значения: во-первых, схемы, формулы, единицы сюжета в виде некоего элементарного обобщения и, во-вторых, самой этой единицы в виде конкретного текстового воплощения» [1]. Анализ фольклористических разработок российских ученых позволяет определить три основные концепции осмысления понятия «мотив»:

1) мотив рассматривается как сюжетобразующая единица (С. Неклюдов, Т. Агапкина, Б. Путилов);

2) мотив рассматривается как структурообразующая единица фольклорного текста (Б. Путилов);

3) мотив рассматривается с точки зрения его структуры (В. Аникин, Н. Ведер-

никова, Н. Криничная, В. Кляус, Л. Парпулова, Н. Черняева).

Остановимся более подробно на первой концепции, рассматривающей мотив как сюжетобразующую единицу. С. Неклюдов, разрабатывая теорию мотива в фольклористике, относил мотив «к числу наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования». При этом автор бесспорно отмечает, что «данное понятие остается совершенно необходимым для фольклористов и вообще для исследователей традиционной словесности, обойтись без него не удастся ни при семантическом, ни при сюжетно-композиционном анализе» [2]. Исследователь соотносит мотив и сюжет как «часть и целое (с такой точки зрения мотив есть составной элемент сюжета)» [2]. Он считает, что «обычно сюжету соответствует не один мотив, а целая серия взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов» [2]. В отношении к заговорам и быличкам исследователь отмечает способность «мотива “разворачиваться” в сюжет и, напротив, способность сюжета “сворачиваться” до объема мотива» [2].

Т. Агапкина в предисловии к книге «Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)» [3], аргументируя свое видение понятий «сюжет» и «мотив», подчеркивает: «...мы подходим к ним преимущественно типологически, это значит, обозначаем их единицами содержательными и пере-

даем это содержание некоторой типовой структурной схемой» [3, с. 17]. Не без оснований исследователь объединяет термином «мотив» «единицы разного масштаба и уровня – от обобщенно-формульных (способных к содержательному варьированию в рамках общей темы или семантической структуры формулы) до [...] конкретных и почти не варьируемых» [3, с. 17]. Можно согласиться с Т. Агапкиной, что именно такой подход к осмыслению понятий «мотив» и «сюжет» «объясняется известным несовершенством имеющего место понятийного аппарата фольклористики, но прежде всего особенностями заговора как жанра гетерогенного, который на протяжении истории своего становления вобрал целый ряд культурных традиций (устных и письменных) и жанровых форм» [3, с. 17]. В этой связи резонным является мнение В. Кляуса о том, что «систематизация заговорно-заклинательных текстов, в отличие от других жанров фольклора, чрезвычайно сложная задача, что определяется особенной природой жанра – его тесной и неразрывной связью с магическими представлениями и верованиями, его функционированием исключительно в ритуальных ситуациях, его исключительно прагматической направленностью и в то же время высокой поэтичностью» [4, с. 84].

Б. Путилов в работе «Мотив как сюжетобразующий элемент» [5] решает проблемы определения роли и отношения мотивов в рамках сюжета фольклорного произведения. Исследователь небезосновательно считает, что «для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении – это относительно самостоятельный, законченный и относительно элементарный отрезок сюжета» [5, с. 143]. Автор высказывает справедливое мнение, что «...путь к пониманию сюжета, произведения в целом, лежит через самое детальное рассмотрение мотивов, которые его составляют» [5, с. 143]. Традиционные представления и взгляды на мотив как на сюжетобразующую единицу, что берут начало от А. Веселовского и преобладают в современной науке, Б. Путилов считает недостаточными и схематическими, особенно «в свете современных структурно-типологических исследований фольклора...» [5, с. 143]. Мотив, по мнению ученого, является элементом «эпической

сюжетной системы. Мотив функционирует в составе системы, тут он находит свое определенное место, тут полностью проявляется его конкретное содержание. Вместе с другими мотивами (и другими типичными элементами) данный мотив образует систему» [5, с. 144]. Таким образом, сюжет представляет собой систему мотивов, и как элементы этой системы, «они сами представляют микросистемы, которые имеют свою структуру, свои особенности и возможности» [5, с. 144]. Поэтому, чтобы понять сюжет, как правильно отмечает исследователь, необходимо детально рассмотреть мотивы, которые его составляют: «Выделение мотивов, разделение сюжетов на мотивы, которые его составляют, изучение мотивов с точки зрения генезиса, бытовой и исторической приуроченности, развития, варьирования, а главное – с точки зрения их художественного отношения к целому, т. е. к сюжету – все это теперь представляет обязательную и важнейшую часть историко-фольклорного анализа» [5, с. 143].

Б. Путилов также отмечает, что «изучение фольклорного сюжета имеет в виду анализ совокупности всех элементов, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами, выявление скрытых планов», поэтому, «чтобы прочесть сюжет, нужно подвергнуть анализу вошедшие в него мотивы – не только в их устойчивых значениях, но и в новом их обличье» [1].

Нельзя не согласиться с мнением Б. Путилова, который отметил, что «мотив – явление слишком живое, неоднозначное, скользящее, слишком связанное с пестротой, многообразием повествовательных и неповествовательных систем фольклорных жанров. Очевидно, что мотивы сильно разнятся по соотношению динамического и статического, нарративного и описательного, по функциям, по роли в сюжетобразовании и сюжетной организации текстов» [1]. Необходимо отметить, что большинство предложенных определений были разработаны на материале эпических фольклорных жанров, и только российский исследователь В. Кляус обращался к заговорным мотивам. Параллельно с понятием «мотив» некоторые исследователи, анализируя фольклорные эпические жанры, используют и категории «мотифема», «алломотив». Так, моти-

фема соответствует функции (А. Дандес, Л. Парпулова и др.), а в заговорном жанре, как отмечает В. Кляус, эти функции сводятся к двум группам: «А – уничтожение, ликвидация кого-нибудь или чего-нибудь; В – образование, сохранение, использование» [6, с. 14]. В качестве былинной мотивемы, например, Н. Черняева приводит мотивему «Герой убивает антагониста». Если пользоваться таким определением, то в лечебных заговорах мотивема соответствует функции борьбы с болезнью – «Персонаж борется с болезнью». Для заговора мотивема имеет обобщенный характер и проявляется во всех текстах лечебных заговоров. Способы реализации обозначенной мотивемы в заговорных произведениях достаточно разнообразны: от определения причин болезни до непосредственных способов избавления от болезни. В данном случае наибольший интерес представляет более конкретное проявление мотивемы, что выразительно представлено в заговорных текстах разных функциональных групп. С различными болезнями борются разные персонажи при помощи различных средств. Именно поэтому относительно заговорного жанра более правильно говорить не про мотивему, а про мотив, структуру которого образуют такие компоненты, как субъект, его действие, объект, на который направлено действие и другие обстоятельства действия.

Нельзя не согласиться с выводами исследователей об элементарности мотива, однако относительно заговорного жанра спорным представляется высказывание, например, А. Веселовского, который отмечал, что при варьировании элементов мотива «происходит не разложение, а возникновение новых алломотивов – со своими содержательными оттенками и даже иными смыслами и [...] сюжетообразующими возможностями» [1]. Необходимо отметить, что при варьировании элементов заговорного мотива происходит его конкретизация на различных «смысловых уровнях» (Р. Барт) [7, с. 391], поэтому в отношении к анализу категории мотива как основной структурной и сюжетообразующей единице заговорного текста необходимо, на мой взгляд, введение в научный оборот других понятий, таких, как «субмотив» и «микромотив». Названные понятия позволяют более глубоко постичь ха-

ракти реализации мотива в сюжете, тем более, что «семантический спектр» мотива «всегда более широкий, чем отдельное сюжетное воплощение и охватывает более значительное семантическое поле культурной традиции» [8, с. 5]. Выделение категорий «субмотив» и «микромотив» дает возможность проследить как процесс структурного образования мотивов, так и определить их функциональную роль, а также характер их взаимодействия во время создания сюжета. Так, например, мотив «Обращение заговаривающего...» на объектном смысловом уровне реализуется через субмотив «Обращение заговаривающего к христианским персонажам» (когда конкретизируется один из структурных компонентов мотива – объект). В данном случае в качестве объектов выступают христианские персонажи, среди которых можно назвать Пречистую Мать, Иисуса Христа, ангелов и др. Дальнейшая конкретизация субмотива на объектном уровне приводит к появлению микромотивов, например «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Обращение заговаривающего к Иисусу Христу» и др.

Выделение суб- и микромотивов на конкретном смысловом уровне зависит от наличия или отсутствия константного компонента. Так, например, когда в мотиве «Обращение заговаривающего...» константными являются и субъект, и предикат, то выделение суб- и микромотивов возможно только на объектном смысловом уровне, а когда, например, в мотиве «Мифологический центр, в котором находится лекарь» константный компонент отсутствует, то суб- и микромотивы можно выделить на любом смысловом уровне.

Таким образом, под субмотивом (подмотивом) понимается конкретная реализация мотива на одном из смысловых уровней (субъектном, предикатном, объектном, обстоятельственном). При этом субмотив имеет способность к дальнейшей конкретизации на том или другом смысловом уровне, результатом которой является микромотив как высшая степень конкретизации субмотива. Что касается понятия «мотив» в заговорном жанре, то под ним автор предлагает понимать содержательную, семантически законченную единицу текста, элемент, который выполняет сюжето- (образовывает комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов, под этим

комплексом мотивов понимается сюжет) и структурообразующую (образовывает определенные композиционные части произведения) функции. Как относительно самостоятельный фрагмент произведения имеет определенную структуру (субъект, его действие, объект, на который направлено действие субъекта и другие обстоятельства), компоненты которой проявляют способность к детализации, чем и обусловлена степень конкретизации мотива на уровнях субмотива и микромотива.

Для того, чтобы конкретно показать, каким образом мотив и сюжет соотносятся между собой как часть и целое в произведениях заговорного жанра, каким образом мотив как основная единица в моделировании текстов связан с сюжетным разнообразием заговоров, необходимо обратиться к подробному рассмотрению отдельных вариантов лечебных заговоров, к примеру, Гомельщины, в рамках конкретных функциональных групп. Необходимо отметить, что выделение мотивов – важное условие систематизации сюжетных типов заговорных текстов. При проведении такого анализа учитывался фольклористический опыт представителей польской школы, которые, исходя из всемирных фундаментальных теоретических разработок проблемы «мотив и сюжет», выделяют несколько функций мотива: конститутивную, информативно-поисковую, экспликативную, моделирующую [9, с. 256–272].

Для того, чтобы убедиться в том, что мотив является не просто частью текста, а представляет собой сюжетообразующую единицу, необходимо сделать морфологический анализ заговоров. С. Небжеговская-Бартминьская предлагает два способа такого анализа – внешний и внутренний: «Первый имеет в виду сравнение вариантов текста, что позволяет определять, какие части повторяются как неделимые цельные структуры, это значит представить композиционную структуру текста. Второй способ анализа основан на изучении внутренних отношений между частями текста, это значит исследование изменений в развитии темы, интенции, смене субъектов речи» [9, с. 260]. Исследователь отмечает, что «внутренний анализ текста позволяет выделить, обозначить и дать определение частям текста, которые можно назвать текстовыми морфемами, –

это мотивы-предложения, которые идут один за одним» [9, с. 263], однако, возникает проблема, «каким образом описать выделенные мотивы. Их можно определять и записывать по-разному, на разных уровнях обобщения: от низшего (используя слова и высказывания из текста, что имеет смысл в случаях устойчивых формул) до высшего, абстрактного» [9, с. 263]. Проведенный анализ заговоров позволил сделать вывод, что при определении мотивов необходимо использовать оба пути, которые предлагает польская исследовательница.

Учитывая большое количество заговорных текстов, в качестве примера была избрана наиболее распространенная функциональная группа (заговоры «От суроков») и микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», который присутствует в 14,95 % от всего количества заговоров Гомельщины названной функциональной группы¹. Для того, чтобы показать сюжетное разнообразие заговоров данной функциональной группы с вышеобозначенным мотивом, применялся внутренний анализ текстов: «*Господу Богу помолюся, Прачістай Божой Маці поклонюся. Прачіста Божа Маці, пріступі, поможі (імя) врокі віговораці. На сінему морі лежыт камень, на том камені Ісус Хрыстос шаблею махае, от (імя) врокі одганяе. Ідзеш вы, врокі, з хаты дымом, з двора ветром, откуль пріішлі, туды ідзіце. Амін*» (записано от Ольги Николаевны Поляк, 1934 г. р., д. Старо-Высокое Ельского р-на) или «*Госпаду Богу памалюсь, прычыстай Маці пакланюсь, Прычыстая Маці, прыступіся, памажы. На сінім моры, на лукаморы стаіць камень. На том камню сядзіць бабка, кужалінку прадзе, кудзельку дапрадае, з-пад яе агонь апаляе. Як той бабкі адтуль не зняць, так рабы Божой (Ніне) прыстрэку не бываць*» [3, с. 148, № 230]. Приведенные примеры из ряда многих проанализированных текстов позволяют высказать предположение относительно устойчивого характера повторения комплекса мотивов («Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Источники болезни», «Отсылание болезни из частей тела», «Отсылание болезни на...», «Мифологический центр, в котором находится лекарь»), которые образуют сюжеты заговоров. Что касает-

ся последовательности их размещения в сюжетной цепочке, то обычно микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери» предшествует другим мотивам. На мой взгляд, говорить о случайности такого объединения мотивов в данном случае нельзя. Порядок их размещения позволяет утверждать, что такой характер их сочетания обусловлен внутренней логикой развития сюжета лечебных заговоров. Особенности сюжетов заговорной группы «От суроков», если иметь в виду характеристику мотивов, заключается в наличии в текстах этой функциональной группы межфункциональных (это значит таких, «которые встречаются в нескольких функциональных группах» [3, с. 19]) мотивов как основных.

Литература:

1. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура [Электронный ресурс] / Б. Н. Путилов. – С.Пб. : Наука, 1994. – Режим доступа : <http://www.infolib.info/philol/putilov/7.html>. – Дата доступа : 09.01.2011.

2. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2004. – С. 236–247. – Режим доступа : www.ruthenia.ru/folklore/nekladov16.htm. – Дата доступа : 08.01.2011.

3. Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной [и др.]. – М. : Индрик, 2003. – 752 с.

4. Кляус В. Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора / В. Кляус // Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии. Сборник

материалов тематического блока XIV Международного съезда славистов (Македония, Охрид, 2008 г.). – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – С. 76–86.

5. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент / Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). – М., 1975. – С. 141–155.

6. Кляус В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы / В. Л. Кляус. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 192 с.

7. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – М. : МГУ, 1987. – С. 387–422.

8. Неклюдов С. Ю. Голос и эхо мифа (замечки о мифологическом тексте) / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2008. – № 1 (57). – С. 2–5.

9. Небжеговская-Бартминьская С. Роль мотива в описании модели текста / С. Небжеговская-Бартминьская // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2004. – С. 256–273.

Примечания

¹ Здесь необходимо оговориться, что для анализа использовались не только опубликованные материалы, но и тексты заговоров, которые были записаны в последние десятилетия студентами, аспирантами и сотрудниками кафедры белорусской культуры и фольклористики учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в полевых экспедициях на территории Гомельщины под руководством ведущей кафедрой, доктора филологических наук, профессора Валентины Станиславовны Новак и хранятся в архиве кафедры.